

встретились в творчестве И. А. Федосовой, было выражением пассивного, исторически ограниченного по своей сути и по своей форме, протеста против классового характера церкви, столь характерного для русского крестьянства, в среде которого в середине прошлого века были популярны идеи раскола беспоповского толка аристовцев, бегунов и т. д.

Г Л А В А 3

Мысль Федосовой искала не только причин грозных бедствий, одолевавших олонецких крестьян в середине прошлого века, но и стремилась найти выход из мира социальной (и «божьей») несправедливости. При этом, разумеется, необходимо учитывать, что при всей своей социальной конкретности мышление Федосовой, каким мы его знаем, было образным, поэтическим, а не политическим или философским мышлением.

Выше мы отмечали, что первая часть «легенды о происхождении Горя» из «Плача о писаре» рисует далекие времена, «золотой век» когда, как думалось Федосовой, социальная организация человечества была идеальной. Мы назвали эту социальную утопию, обращенную в прошлое, чрезвычайно характерной. Напомним в связи с этой идеализацией прошлого у Федосовой еще одно наблюдение Н. А. Добролюбова. Крепостники утверждают, — писал Н. А. Добролюбов, — что необходимость освобождения крестьян придумана «гуманными помещиками», в то время, как «мужик еще не созрел до настоящей (свободы), что он о ней и не думает, и не желает ее, и вовсе не тяготится своим положением, — разве уж только где барщина очень тяжела, и приказчик крут... Да и помируйте, откуда заберется мужику в голову мысль о свободе? Книг он не читает (не только запрещенных, а и) вовсе никаких, (а ведь известно, что все это вольнодумство не от чего другого, как от книг происходит), с литераторами не знаком; дела у него довольно, так что утопий сочинять и недосуг...».¹

Этому мракобесному рассуждению Н. А. Добролюбов противопоставляет убеждение в силе и разумности народной мечты о свободе, которая, подобно скрученной

¹ Добролюбов, там же, стр. 97.

«спиральной пружине», сдерживается только «посторонней силой».

Тема «золотого века» была устойчивой темой в творчестве Федосовой. В первой части «Плача о писаре» эта тема выражена отвлеченно и условно. Трудно предположить, что Федосова, художественное мышление которой было столь конкретным, могла бы удовлетвориться таким неопределенным поэтическим узором.

О поэтическом образе Горя, скрывающегося от людей, которые живут в мире и согласии, мы уже говорили:

Во досюльны времена было годышки,
Жили люди во всем мире постатейныи,
Оны дꙋ-друга люди не терзали;
Горе людюшек во ты поры боялося,
Во темны леса от них горе кадалося;
Но тут было горюшку не мѣстечко:
Во осине горькой листье расшумелося,
Того злое это горе устрашилося;
На высоки эти щельи горе бросилось,
Но и тут было горюшку не мѣстечко:
С того щелье кременисто порастрескалось,
Огонь-пламя изо гор да обьявилося;
Уже тут злое горюшко кидалося,
В окняи сине славно оно морюшко,
Под колодинку оно там запихалося;

(стр. 289)

Если для текстов I тома характерно социальное осмысление семейного несчастья, либо коллективного горя деревенской общины как социального гнета, то во II томе семейное и «крестьянское горе» — рекрутчина и солдатчина — предстает как результат *государственного гнета*. Именно поэтому социальная утопия, с которой мы встретились в «Плаче о писаре», получает во II томе определенные «государственные черты» и воплощается в многообразно выраженной «новгородской теме».

Олонецкие крестьяне, потомки черносозных крестьян Обонежской пятины, сохранили память о новгородских временах, как о поре, когда государство относительно меньше вмешивалось в дела крестьянского мира. Усиление экономического и политического гнета в последующие века связывалось крестьянами с «падением Новгорода». Это привело к идеализации прошлого, к забвению реальной тяжести крестьянской жизни в новгородское время. Так создано иллюзорное представление о новгородской вольности, имеющее весьма относительные

исторические основания. Это представление питалось прежде всего идеализацией былой «самостоятельности» крестьянской общины, связанной с характерной неосвоенностью русского Севера Новгородским, а в XVI—XVII веках централизованным Русским государством.

Следует отметить, что в действительности крестьянская волость, община была относительно самостоятельнее как раз в первые века после вхождения новгородских земель в состав Русского централизованного государства, когда новгородские «боярщины» и часть монастырских владений перешли в собственность государства, т. е. боярина сменил не помещик (как это было в некоторых других местах), а само государство, и когда отсутствие помещика, стоящего между правительственными чиновниками и крестьянами вело к усилению роли и значения мирских организаций крестьян.¹ Следовательно, это надо еще раз подчеркнуть, воспоминания о «новгородской вольности» имели иллюзорный, условный характер. Всякое прошлое казалось лучше настоящего и считалось «новгородским».

Идеализация всего «новгородского» в творчестве Федосовой имеет глубокий и разносторонний характер. Любование «новгородским» образует специфический контрастный фон к изображению современных Федосовой тягот крестьянской жизни, оно проникает в лексическую ткань федосовских строк, создавая своеобразный ряд идеализирующих эпитетов. Например:

И со правой руки подѣл да мни злачѣн перстень,
А от сердечка опояску *новгородскую*,
И со кармана он платок да лавантеровой...

(т. II, стр. 34—35, 103 и др.)

И на хороших на санках самокатных,
И на славном коври *новгородском*...

(т. II, стр. 51)

И сахарни тебе есты приналажены,
И с *Новагорода* питья тебе доставаны...

(т. II, стр. 11) и т. д.

---

¹ См. Мюллер Р. Б., *Очерки по истории Карелии XVI—XVII вв.*, стр. 43. «Это не значит, конечно, — пишет Р. Б. Мюллер, — что карельский крестьянин освободился от феодалной эксплуатации. Но формы ее резко отличались от форм эксплуатации частновладельческих».

Новгород продолжает восприниматься как важнейший после Москвы политический центр, которым он перестал быть фактически уже в конце XV века.

И как на нашу-то Русию подселенную
И наступали-то злодии супостаты,
И ведь думали-то турки окаянныи,
И оны въехать-то в Русию подселенную
И разорить Москву оны да все великую,
И да разбить да оны крепость в Новгороде
(т. II, стр. 222)

Мать рекрута у Федосовой с тоской вспоминает о том времени, когда можно было рекруту убежать в «города незнакомыи», за «крепости новгородскии». О ненавистном солдатском начальстве говорится:

И как начальничики стоят да там не рускии,
И как сѹдьишечка ведь там не новгородскии;
(т. II, стр. 32)

И наоборот:

И я бы нашла писаречика разумного
Я разумна писаречика хитромудрого,
Хитроумна молодца новгородского,¹
(т. II, стр. 158)

В «Плаче по холостом рекруте» этот мотив «начальников не новгородских» развивается в весьма примечательную картину:

Как в досюльны времена да было годышки
И были людюшки ведь ё да запростейшии,
Уж как прежний-то народ да был ведь спѹцливой,
И новгородскии крестьянз не балбаливы,
И как судѹи да в тую пору правосудлѹзы,
И как властѹи да тогды были милосердныи,
И были времечка в ту порушку спокойныи,
И прозабыла ты, печальная головушка,
И што ведь времечко идет да ускоряется,
И пошли людюшки ведь ё да все балбаливы,²
И судѹи-власти-то пошли да скрозекозныи,
И начальниики пошли да белорукии,
У них дочушки пошли да нечевухи:
И не ткиюшки оны да не прядеюшки,
И одно у их в умы, да одно в разуме,

1 Вариант: И вы бы нашли писаречка хитромудрого
И со своей стороны бы вы да с Новагорода,
(т. II, стр. 225)

2 Имеются в виду нечестные комбинации деревенских кулаков при рекрутских наборах.

И все белила-то у их да со румянами,
И как хвостом вертеть да как ногой тряхнуть;
И не знают-то, несчастныи, не ведают,
И што ведь дом вести — не головой трясти;
И как от этого велика беззакония,
И как от ихнего теперь неправосудья,
И на часу да все законы составляются,
И на минутой вси статьи да рассуждаются;
И мужиков-то все судить да добираются,
И их наглядко несчастных разоряют...

(т. II, стр. 49)

Здесь тема «новгородской вольности» дается в противопоставлении — тогда в «новгородское» время было не так, как теперь: народ был «спащливый» (т. е. ласковый, заботливый — см. т. I, стр. XVII «Словаря»), «запростейший», «судьи правосудливы», «власти милосердые», «времечка спокойныи», начальники не были «бездельниками», их жены — «белорукими» и т. д., словом, помимо очень общих и неопределенных сетований, говорится о все углубляющейся классовой дифференциации, при которой «власти», т. е. господствующие классы, все больше воспринимаются как «не русские» (см. выше).

С наибольшей полнотой «новгородская тема» выражена, естественно, в специальном плаче о тех временах, когда «Новгород ведь был неразореной и ко суду были крестьяне не приведены» (т. II, стр. XII). К сожалению, Барсов, возможно все по тем же цензурным соображениям, не опубликовал этот плач полностью. Отрывки из него дважды использовались Барсовым для иллюстрации его слащавых (в запоздало-славянофильском духе) рассуждений о «глубоких симпатиях заонежан к былому, древнерусскому быту» в статье «Памятники народного творчества в Олонецкой губернии»,¹ и в предисловии ко II тому «Причитаний Северного края».² В обеих статьях не указывается, от кого был записан этот текст. Однако, судя по всему, он принадлежит И. А. Федосовой. Об этом говорит прежде всего упоминание Толвуи в пересказе текста; кроме того, среди записей Барсова нет

¹ Записки Русского Географического Общества по отд. этнографии, СПб., т. III, 1873, стр. 515—522.

² Стр. XII—XIII.

ни одного текста из Заонежья, записанного не от И. А. Федосовой.¹

Барсов в обеих статьях привел четыре одинаковых отрывка из этого плача — всего 45 строк. По этим отрывкам, разумеется, трудно полностью реконструировать замысел Федосовой. В то же время не может быть сомнений в том, что это был один из наиболее резких в политическом отношении текстов, записанных Барсовым от нее.

В одном из этих отрывков с удивительным лиризмом рисуется тоска заонежан по «родной стороне» — Новгороду.

И как выйдут на крылечико церковное,
И как сглянут во подлетную сторонушку,
Тут защемит их ретливое сердечушко,
Сговорят оны ведь есть да таково слово:
Где ведь жалобно-то солнце пробакае,
Там ведь прежняя, родима наша сторона,
Наша славна сторона новгородская.

(т. II, стр. XIII)

Крестьяне вспоминают о новгородских временах, когда будто бы все дела решались миром по «справедливым законам»:

Тыи времечка прошли да невидаются
Тыи годы скоротались, не слышаются...
.....
Буде што да в прежни времена случалось,
Соберется три крестьянина хоть стоющих,
Промеж дү-другом оны да рассоветуют,
Как спасти да человека-то помиловать,
По суду ли-то теперечко по божьему,
По этим ли законам праведливым.

(стр. XII)

Не менее интересен другой отрывок, в котором говорится о временах, когда крестьяне сами выбирали судей (здесь могли отложиться реальные «воспоминания о выборных крестьянских судейках» после земской реформы середины XVI века). Более того, в этих воспоминаниях видны следы действительно бывшего совпадения «выборных» должностных лиц со старшими в роде:

---

¹ Е. В. Барсов, насколько удается установить, в Заонежье не был — от Федосовой же он записывал, как известно, в Петрозаводске.

Были людюшки тогда да не штукавыи¹
Не штукавы оны были, — запростейшии;
Как судьи да в ту пору не молодьи,
Госжиты да мужики были почетныи,
Настойсливы оны да правосудливы.

(стр. XII)

Прошли эти времена — Новгород был разорен. В это время будто бы и вышли заонежане «в подсиверну сторонушку, на званы острова да эты Кижским, во славное во обчество во Толвую». Здесь еще раз ясно проступает смешение исторической перспективы, т. к. заселение Заонежья, в действительности, не было связано с «разорением» Новгорода, как это представлялось Федосовой. Возможно, что переустройство новгородских земель после включения их в состав Московской Руси вызвало новый поток беженцев на север, подальше от «властей». Однако ясно, что в целом мы имеем дело с исторически неверной оценкой глубоко прогрессивного факта воссоединения «новгородских земель» с другими землями русского централизованного государства.

Выселение на Север ненадолго спасло заонежцев, — говорится далее в плаче, — власти и здесь добрались до них. Еще давно будто бы старики предсказывали:

Ух, как это сине морюшко сбухуется,
На синём море волна да порасходится,
Будут земские вси избы испражнятися,²
Скрозекözные судьи да присылатися;
Вси изменятся пустыни богомольныи,
Разорятся вси часовенки спасеныи —

(стр. XIII)

т. е. нарушатся «досюльные законы», «досюльное житье новгородское». Здесь нарушение «досюльных законов» снова выражено в конкретных формах событий середины XIX века — наступление на крестьянское самоуправление, учреждение института мировых посредников и преследование крестьян — староверов и сектантов староверческого толка, разорение староверческих «общешитий», келий, часовен (с новой силой вспыхнувшее именно в середине века — с 1859 г.). Заканчивается отрывок строками, говорящими о том, что это предсказание сбывается:

¹ Штукавые, т. е. чересчур ловкие.

² т. е. опустеют земские избы.

Сволновалось сине славное Онегушко,
Как вода с песком помутилася.
Тут вспомнят ведь малы недоросточки:
Теперь нонь да времена-то те сбываются
Как у старых стариков было рассказано.
(стр. XIV)

Анализируя «новгородскую тему» в творчестве Федосовой, мы постоянно отмечали иллюзорность, условность воспоминаний о Новгороде, историческую ошибочность этих «воспоминаний». Действительная ценность рассмотренной темы, конечно, вовсе не определяется ее исторической документальностью. Важно не то, насколько «новгородские времена» Федосовой походили на историческое Новгородское государство. Значительно важнее понять, какую роль играли эти «воспоминания» в мышлении Федосовой — олонецкой крестьянки середины XIX века. Активизация новгородских воспоминаний, прочно вошедших в устную традицию Заонежья, последовательная идеализация «новгородского времени» непосредственно связаны с теми же «реформами» 60-х гг., о которых говорилось выше. «Новгородская тема» в творчестве Федосовой так же рождена этой ситуацией, как и всякая другая тема в ее творчестве этих лет. Идеализация новгородского времени, настойчивая апелляция к этому, созданному воображением, «золотому веку» — новгородской «досюльщине» — были выражением зреющего стремления к разрешению противоречий настоящего.

В статье «Восемнадцатое брюмера Луи Бонапарта» К. Маркс отмечал, что большинству общественных движений допролетарской эпохи в минуты напряженных общественных кризисов свойственно было прибегать к «заклинаниям, вызывая к себе на помощь духов прошлого, заимствовать у них имена, боевые лозунги, костюмы»¹ для осмысления настоящего. Как показывают плачи Федосовой, русские крестьяне пореформенной поры также искали свой идеал в прошлом вместо того, чтобы сознательно добиваться его в будущем. Их идеал социального устройства еще не был политическим лозунгом, он был более мечтой о безвозвратно ушедшем «золотом веке», о

---

¹ Маркс К., Восемнадцатое брюмера Луи Бонапарта, Избр. произв., т. II, Госполитиздат, 1941, стр. 253.

«божьей земле», как писал В. И. Ленин в статье «Крестьянская реформа».¹ Однако и эта мечта таила в себе огромные возможности. Вспомним, что в «легенде о Горе» из «Плача о писаре» ясно говорится о виновниках разрушения этой «досюльщины». Таким образом, при всей смутности крестьянская утопия, отразившаяся в творчестве Федосовой, является поэтическим выражением протеста пореформенного крестьянства против социального устройства России второй половины XIX века.

Чрезвычайно характерно появление этой крестьянской уравнительной утопии, мечты о прошлых временах, когда «жили люди во всем мире постатейныи» (т. е. были равными, не притесняли друг друга — «Едины да все у бога люди созданы»), именно в первые пореформенные годы, когда русское крестьянство особенно остро испытывало на себе всю тяжесть сочетания новых капиталистических форм эксплуатации с многочисленными феодальными, крепостническими пережитками. В. И. Ленин, отмечая реакционность уравнительных идей в революции 1905 г., как «попытки искать позади, а не впереди, решения задач социалистической революции», вместе с тем писал: «При борьбе крестьян с крепостниками-помещиками самым сильным идейным импульсом в борьбе за землю является идея равенства, — и самым полным устранением всех и всяких остатков крепостничества является создание равенства между мелкими производителями. Поэтому идея равенства является самой революционной для крестьянского движения идеей не только в смысле стимула к политической борьбе, но и в смысле стимула к экономическому очищению сельского хозяйства от крепостнических пережитков».²

Г Л А В А 4

Основная тема II тома сборника И. А. Федосовой — рекрутчина и солдатчина.

Как уже говорилось в I томе, горе крестьянской семьи или общественное горе деревенской общины осмысливается как горе социальное, как результат **социального гнета**. Во II же томе семейное и «крестьянское» горе предстает как следствие **государственного гнета**, т. е. не

¹ Соч., т. XVII, стр. 98.

² Соч., т. XII, стр. 317 (подчеркнуто нами — К. Ч.).